

Социокультурные ценности и ориентиры древнетюркского общества

Каждый народ вправе гордиться своей историей. Своим многосложным прошлым, вобравшим в себя и мгновения триумфальных шествий, и горькие уроки потерь, гордимся и мы – казахи, казахстанцы.

§ 1. Краткая характеристика орхонских памятников

Каждый народ вправе гордиться своей историей. Своим многосложным прошлым, вобравшим в себя и мгновения триумфальных шествий, и горькие уроки потерь, гордимся и мы – казахи, казахстанцы. Для нас вечными ценностями и неповторимыми страницами нашей национальной истории являются сакский звериный стиль в искусстве, научные наследия Аль-Фараби и Чокана, жизненный путь и подвиги батыров XV-XVIII вв., фольклор и музыка Степи, произведения Сакена Сейфуллина, Мухтара Ауэзова, Каныша Сатпаева, Алькея Маргулана и многое другое. Выдающиеся достижения хозяйственно-культурной, социально-политической практики и интеллектуальных поисков протоказахов, казахов, всех казахстанцев достойно обогатили и органически вписались в систему мировых цивилизаций. Среди них особое место занимает культура письма. Речь идет о рунической письменности VI-IX вв., первые образцы которой датируются I тысячелетием до н.э. Камни с загадочными надписями, обнаруженные в Сибири, впервые стали известны европейцам в XVII веке. XVIII век принес новые открытия. В XIX веке енисейские надписи пополнились памятниками с побережья Орхона, что в Монголии. В среде ученых-лингвистов Европы началась нешуточная конкуренция за разгадку тайн древности. Наконец, ключ к тайнам рунических надписей нашел датский ученый Вильгельм Томсен. Это случилось в 1893 году. Дешифровка древнетюркских надписей на каменных изваяниях перевернула представление «передовой» Европы конца XIX века об «отсталой» Азии.

На сегодняшний день известно около 500 орхоно-енисейских памятников древнетюркской письменности. Часть из них обнаружена на юге Казахстана, и в тюркологию она вошла под названием Таласские памятники.

Высеченные XIII-XV веков тому назад на камне слова вполне понятны по своему духу и содержанию современным казахам и киргизам, узбекам и азербайджанцам, уйгурам и туркам. Вот примеры из надписи в честь легендарного полководца VIII в. Кюльтегина:

Беңгу таш тоқытдым, бітідім

Аны көріп, анча білің

«Вечный камень (я) поставил

Видя все это, знайте» [1].

Үзе түрк теңрісі

Түрк ыдуқ иірі, субы

Анча тіміс:

Түрк бүдүн йоқ болмазун тійін

Бүдүн болчун тійін

Қаңым Елтеріс қағанығ

Өгім Ілбілге қатунығ

Теңрі төпесінде тұтып

Иегеру көтерміс ерінч

«Вверху Тенгри тюрков,

Тюркская Священная Земля и Вода

так сказали:

«Да не погибнет тюркский народ,

пусть будет народ!» Сказав так, Тенгри отца моего

Эль-терис-кагана и мать мою

Эль-бильге-катун, подняв над головой

[благословив их], возвысил» [1, 187].

Орхоно-енисейские памятники содержат богатейшую информацию по истории государств и народов Евразийского континента, Центральной Азии, Китая. Надписи на камнях – это квинтэссенция мировоззрения, ценностных ориентиров, образа жизни, религиозных представлений древних тюрков. Композиционно и по сюжетным линиям они близки к эпическим произведениям, таким, как «Алпамыс», «Козы Корпеш – Баян сулу», «Огуз-наме». Именно по этой причине советские ученые долго спорили относительно жанра и статуса древнетюркских памятников. Одни видели в них ранние образцы литературы, другие относили их в разряд исторических источников. никоим образом не отрицая выводы и заключения наших предшественников, мы утверждаем: Орхоно-Енисейские памятники письменности – это прообраз Конституции государств древнетюркской эпохи, гражданский, уголовный, трудовой кодексы тех времен. Надписи на камнях отражают своеобразие и особенности политического строя, социальной структуры, титулатуры наших предков, выражают их цели, задачи, интересы, менталитет, законы, политику и идеологию, передают нормы и принципы отношений и связей между человеком, природой и обществом.

§ 2. Древние тюрки о сотворении мира, кагане и «Вечном эле»

Древние тюрки имели своеобразное представление о происхождении жизни, об обществе, человеке и природе. По их убеждению, окружающий мир появился в строгой хронологической последовательности. Вначале были сотворены голубое небо и бурая земля. Затем между ними возникли человеческие сыны. Наконец, над человеческой общностью возвысились каганы. Причем голубое небо олицетворяло высшую созидательную силу – Тенгри, которая вершила судьбами конкретного человека, народов, государств и каганов.

В социальной стратификации и властной титулатуре древнетюркского общества – каган первая величина. В надписях не раз утверждается, что управлять государством и народом каганы предназначены самим Тенгри. Однако, признавая особое, неземное, тенгрианское происхождение каганов, древние тюрки относились к ним вполне адекватно и реалистично. Считали, что в разные периоды истории их государством управляли как мудрые, достойные, мужественные каганы, так и «неразумные, плохие» каганы. В целом, каган воспринимался им символом и источником власти, гарантом благополучия и безопасности страны. Соответственно, высокие требования предъявлялись к личности кагана. Он должен был обладать такими качествами, как мудрость, справедливость, глубокое знание военного дела,

дипломатии, умение находить и выдвигать на государственные должности способных и талантливых людей. Главная и конечная цель деятельности кагана во главе государства раскрыта в следующих словах надписи в честь Кюльтегина:

Благодаря милости Тенгри и потому,
что был удачлив, везуч, я возродил
к жизни погибающий мой народ;
одел раздетый народ,
бедный народ сделал богатым,
малочисленный народ сделал
многочисленным. В государстве,
в каганате, потерявшем покой,
я установил мир [1, 188].

Для древних тюрков, отдавших должное главе государства, все же высшими ценностями считались сохранение государственности, защита свободы и независимости страны, ее граждан. Они мечтали создать «Мәңгі ел» – «Вечный эль». «О, тюркский народ, – читаем у Кюльтегина, – когда ты идешь в ту сторону, то находишься на краю гибели. Когда же ты, находясь в Отюкенской земле, посылаешь караваны за данью, то у тебя совсем нет горя. Если ты будешь жить в Отюкенской черни, то жил бы ты, созидавая свое вечное государство» [1, 191]. Отюкен – название священной местности, своеобразная столица древнетюркского государства. Коль государство тюркское призвано существовать вечно, вечными должны быть и его символы, в т.ч. камни с надписями. Так они и назывались – «Мәңгі тас» – «вечные камни». Разумеется, в данном случае имелись ввиду не сам камень, а высеченные на них слова, заветы, советы и установки будущим потомкам. В малой надписи в честь Кюльтегина есть такие строки:

Все, что я хотел сказать,
вырезал на этом вечном камне.
Тюркские народы, беки!
Вы вместе со своим народом
(всем лагерем) всегда делаете
ошибки [перед] духом трона [1, 191].

Впрочем, предвидение Кюльтегина сбылось. Во-первых, вечный камень на самом деле стал объектом вечного научного изучения, во-вторых, пик расцвета государства древних тюрков прошел после кончины великого полководца VIII в.

§ 3. Слово и ученье

В государстве Бумына, Кутлыга, Кюльтегина и Тоньюкука очень высоко ставились значение и сила слов. На каменных изваяниях многократно подчеркивается полифункциональное назначение слов. Их авторы строго следили за правильностью и точностью своих слов, ибо не сомневались, что эти слова переживут века, по ним строят свою жизнь грядущие поколения. Ответственное и бережное отношение к словам как к историческому акту и духовному

богатству predetermined социальное-политическое статус авторов, с одной стороны, глубину и содержание текста – с другой. В памятниках, установленных в честь каганов, полководцев, содержались размышления о судьбах государства, народа, армии. Когда речь шла об ученых, учителях, дипломатах, идеологах, то поднимались вопросы образования и воспитания, текущей политики и международного положения тюркского эля, охраны и использования духовно-культурного наследия. Культ слова и такое же отношение к нему у древних тюрков предельно ясно выражены в следующих строках:

От кагана табгачей пригласил резчиков.

[Они] высекли мои слова.

Табгачский каган прислал внутренних [дворцовых] резчиков.

Им я поручил построить храм с рисунками.

Внутри, снаружи я велел покрыть стены красивой резьбой,

Водрузить камень (памятник).

Сокровенные мои слова были высечены.

Вы потомки (народа) Он-ок и чужеземцев,

Видя все это, знайте: вечный камень

я велел воздвигнуть [1, 191].

Впрочем, признание созидательных и разрушительных свойств слова сохранилось в общественном сознании и у современных казахов – потомков древних тюрков. «Өнер алды – қызыл тіл» («Из всех искусств первейшим является красноречие, ораторство»), «Отыз тістен шыққан сөз – отыз рулы елге тарайды» («Слово, выроненное сквозь тридцать зубов, распространяется в среде тридцати народов»), «Ойнасаң да ойлап сөйле» («Даже шутя, говори осмысленно»): – гласят казахские пословицы.

В системе социокультурных ценностей древнетюркского общества заметное место занимали учебные заведения. Педагоги – наставники давно минувших эпох – посвящали своим ученикам целые научные трактаты. До нас дошла «Книга гаданий», рукопись которой ныне хранится в Британском музее. Она была написана в год барса второго месяца пятнадцатого числа (т.е. 17 марта 930 года или 4 марта 941 г.) учителем из обители «Великого облака» для учеников Исиг Сангуна и Ита Чука. Труд является системным изложением принципов идеологии и внутренней политики государства тюрков. Здесь, комментируя многочисленные примеры жизненных ситуаций, увиденных якобы во сне, автор убеждает молодежь уважать трон кагана, беречь богатство страны и собственность. Ему импонирует трудолюбие граждан. Учитель давно минувших дней призывает искренно любить родную землю, природу, окружающую среду. Ему дороги мир и согласие в семье, правильное воспитание детей. Учит молодежь смотреть в будущее с оптимизмом, осуждает воровство. В сравнительно-сопоставительном ключе дает ответы на вопрос «что хорошо, что плохо?» «Говорят: (некий) сын, рассердившись на своих родителей, ушел из дома, – читаем в «Книге гаданий», но затем после многих лет скитаний вернулся домой. Он сказал: да получу я наставления моей матери, да услышу я слова моего отца».

О значимости учебных заведений в жизни тюркского общества свидетельствует также тот факт, что и каганы, и знаменитые полководцы в надписях сообщают, когда и где они учились. Так, надпись в честь Тоньюкука начинается словами: «Білге Тоньюкуқ бен өзүм табгач іліңе

қылыңтым. Түрк бүдүн табғачқа көрүр ерті». Перевод: «Я мудрый Туй-укук, воспитывался в стране табгачей. В те времена тюркский народ был в подчинении у табгачей» [1, 31].

Уважительное отношение к учителям было присуще и каганам, и рядовому гражданину. В Суджинском памятнике от имени хана Яклакара сообщается о щедрых подарках, принесенных учителю – наставнику. Своих сыновей хан призывает в героических поступках быть похожими на своего учителя.

Образование и воспитание обеспечило преемственность идей и поколений, служило источником мощного интеллектуального потенциала древних тюрков.

§ 4. Обычаи и традиции. Формула родства

Важнейшим элементом социокультурных ценностей древних тюрков выступают их обычаи и традиции. Проведение свадеб, рождение ребенка, смерть человека, подготовка военных походов, празднование победы над врагом – все это сопровождалось отправлением обычаев и традиций. Яклакар-хан не без гордости говорит о том, что женил трех сыновей, выдал замуж без калыма трех дочерей. «Бай ертім, ағлым он, йылкым сансыз өрті ... кызымын калыңсыз біртім», высечено на камне. Перевод: «Богат я, сараев у меня десять, лошадей несметное количество. Дочерей выдал без калыма». О пышной свадьбе детей элиты сообщается в памятнике в честь Бильге-кагана: «Я отдал кагану тюргешей свою дочь. Ему, равному (достойному), вернул верховную власть. Дочь тюргешского кагана, верховную власть, равную [достойную] кагана, передал своему сыну» [1, 265].

В надписях в честь Бильге-кагана и Кюльтегина подробно описаны похоронные обычаи. По ним можно сделать несколько выводов. Во-первых, от момента кончины известной личности до ее погребения не существовало временного ограничения. Так, Бильге-каган умер 26 числа десятого месяца 734 года, а похоронен был 27 числа пятого месяца 735 года. Во-вторых, траурная церемония проходила с участием большого количества гостей из дальнего и ближнего зарубежья. В-третьих, участники траура одаривали близких и родственников покойного драгоценностями, быстроногими скакунами, иными подарками. В-четвертых, оплакивая покойника, как прибывшие, так и близкие родственники вырывали волосы, наносили раны на свое лицо. В-пятых, в дни траура произносились прощальные речи, в которых перечислялись достоинства и лучшие качества покойника. В-шестых, траур по покойному продолжался целый год. «Кюльтегин улетел (умер) в год Овцы, в семнадцатый день. Двадцать седьмого [числа] девятого месяца мы устроили похороны. Храм, скульптуру, камень с надписью – все мы освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцатый день. Кюльтегин умер в сорок семь лет» [1, 190].

Древние тюрки считали, что судьбу человека, его жизнь и смерть предопределяет Тенгри. В то же время они не отрицали значения активной жизненной позиции личности, ее созидательно-познавательную деятельность. Хорошее деяние субъекта истории поощряется Тенгри, за плохое деяние он подвергается наказаниям со стороны Тенгри, считали наши предки. Дух вождей и лидеров почитали соразмерно заслугам. На каменных изваяниях высечены имена только тех каганов и исторических личностей, которые внесли достойный вклад в создание и укрепление Вечного эля.

Позитивное понимание человеческого фактора в истории, а также господство кочевого хозяйственно-культурного типа, требующего органического и слаженного коллективизма, объективно формировали механизмы родственных связей и этнической идентичности. Родственниками считались не только близкие по материнской или отцовской линии, но и подчиненные кагану по службе, военачальники, должностные лица. В надписи в честь

Кюльтегина перечислены те, к кому обращают свои слова великий полководец: «мою речь слушайте до конца (полностью): следующие за (мной) мои младшие родичи, мои сыновья, союзные мне племена (и) народы, (стоящие) справа беки шадапыт, (стоящие) слева беки тарханы (и) приказные. Народ (и) беки токуз - огузов». В другом месте этого же памятника круг родственников расширяется: «Моя мать - катун, мои сводные матери, мои тетки, мои невестки, мои младшие сестры (княжны)» [1, 190]. К слову заметим, использованный нами отрывок не совсем точно переведен И. Стеблевой, неудачно определяется степень родства. В переводе М. Жолдасбекова эти строки весьма близки к оригиналу: "жеткіншегім, ұланым, біріккен әулетім, халқым, оңымда шад апа бектер, солымда тархан, бұйрық бектер. Тоғыз-оғыз бектері, халқы", "шешем-қатын, (онан соңғы аналар), жеңгелерім, келіндерім, ханымдар". В числе кровных родственников токуз-огузы оказались не случайно. Здесь подчеркивается этническая идентичность древнетюркского племени. Генетическая и этническая общность осознавалась ими настолько глубоко, что она выражалась словами «наш тюрк», «мой собственный народ». Хотя между тюрками нередко случались конфликты и столкновения.

Тюргешский каган был из моих тюрков

Из-за непонимания, из-за ошибок был убит.

Беки его, полководцы его тоже убиты [1, 187].

Отношение древних тюрков к народам дальнего и ближнего зарубежья, этнически и генетически не связанных с ними, носило, говоря современным языком, протокольный, часто настороженный характер. Даже табгачей, китаизированных тюрков, не признавали своими, считая их обманщиками, лживыми, соблазнительями. Короче, духовно-культурное освоение действительности нашими далекими предками осуществлялось на принципах «Мы и другие».

§ 5. Социальная структура и титулатура

Социокультурные ценности и ориентиры, пронизанные миропониманием «Мы и другие», сплачивали этнос. На их страже стояла армия. В ту эпоху, когда многие вопросы внешней политики и международных отношений решались силой оружия, огромное значение имели военное искусство и военная мысль. Слава и мощь древнетюркской империи создавались на основе военных успехов. Покоренные народы и территории, по словам Тоньюкука, «желтого золота, белого серебра, девушек (и) женщин, верблюдов (и) сокровищ (даров) доставили без ограничения». Надписи на камнях свидетельствуют, что древние тюрки достаточно глубоко разбирались в вопросах стратегии наступления и обороны, материально-технического и продовольственного снабжения армии, внезапного захвата противника, обхода, преследования отступающих сил, организации военной разведки, обеспечения единства фронта и тыла, подготовки и использования военных специалистов. Верховным главнокомандующим Вооруженных Сил был каган. Под руководством и при непосредственном участии его осуществлялись подготовка военного похода, объявление войны, назначение на должности, присвоение воинских званий, распределения трофеев. Древние тюрки внимательно следили за общественно-политической ситуацией в стране вероятного противника, широко опирались на данные разведки и дипломатии, изучали сильные и слабые стороны армии враждебной страны и её военачальников. Достижения военной мысли эпохи Бумына, Кюльтегина, Тоньюкука позже успешно применялись великим Чингисханом и его преемниками.

Носителем социокультурных ценностей был и остается народ. Народ и время – строгие судьи во всем. Они отделяют зерна от плевел, халтуру от шедевра. Истинные народные шедевры

живут в веках. Хотя творцами шедевров являются интеллектуалы и специалисты, известные нам под обобщающим термином «интеллигенция».

Древние тюрки выдвинули из своей среды целую плеяду интеллектуалов и специалистов. Имена и деяния отдельных личностей вошли в анналы мировой истории. Статус и состав ранней общности интеллигенции зафиксированы на каменных изваяниях, что тоже подтверждает её высокую миссию и народное признание. По содержанию и значимости труда каждая группа интеллигенции обозначилась собственным названием. Каганы, тарханы, беки, т.е. политическая элита общества удостоивалась дефиниции «мудрые, мужественные, гигантские люди». Их управленческие промахи и ошибки дорого обходились стране и народу. Как грозное предупреждение звучит тезис о том, что если «один человек ошибался, (тогда) все поколение его подчиненного народа до колыбели страдало» [1, 190].

Высшее военное руководство вычленено термином «хозяин войны», «хозяин армии». Оно подчинялось непосредственно кагану. Полномочия и компетенции военачальника раскрыты в высеченных на памятнике словах Тоньюкука:

Тогда [и] советником был я,

[и] предводителем был я.

Эль-терис-кагану,

Тюрк Богу-кагану,

Тюрк Бильге-кагану...

Капаган-каган воссел [на престол] в 27 [лет].

Ночью не спал, днем не сидел.

Я проливал свою красную кровь,

стекал (лился) мой черный пот.

Я отдавал все труды и силы.

В дальние набеги также я сам отправлял [1, 320].

Дипломатический корпус интеллигенции обозначился дефиницией «елші» (посол). Задействованные в спецслужбы люди назывались «тілді» (говорящий) и «көрік» (видящий). Занятые идеологическим обеспечением практических дел в государстве составляли группу «жаршы» (глашатай), архитекторы и строители образовали группу «бедізіші». Имеющиеся данные пока не позволяют проследить социальное развитие и демографическое состояние интеллигенции той эпохи. Ясно одно: древние тюрки приветствовали укрепление интеллектуального потенциала общества. В частности, освобождение от табгачского ига они связывали с количественным и качественным ростом «мудрых, смелых, гигантских людей», военачальников. На памятнике Кюльтегину написано: «Мой отец-каган выступил с семнадцатью войнами. Все, услышав (о том), что за пределами собираются, жители города поднялись в горы, те, кто жил в горах, спустились вниз. Собралось семьдесят воинов. (Так как) Тенгри дал (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам. Двигаясь то вперед, то назад, собирал войско, поднимал (народ). И стало их всего семьсот воинов. Семьсот воинов, собравшись, обустроили народ, народ, утративший государство; народ, потерявший кагана; народ, оставшийся без власти, народ, который превратился в рабов и рабынь, восстановили, как во времена власти моих предков [1, 187].

Социокультурное наследие древних тюрков многогранно. Оно богато неповторимыми чертами и свойствами. Его лучшие достижения перешагнули века. В них – истоки казахской истории, культуры, менталитета. Их дальнейшая судьба в плане научного познания теперь зависит от политики и мудрости власть придержащих, от высокого профессионализма научной интеллигенции Казахстана.

Х. Абжанов

Использованная литература

1. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. – Астана: Күлтегін, 2006. – С. 191.